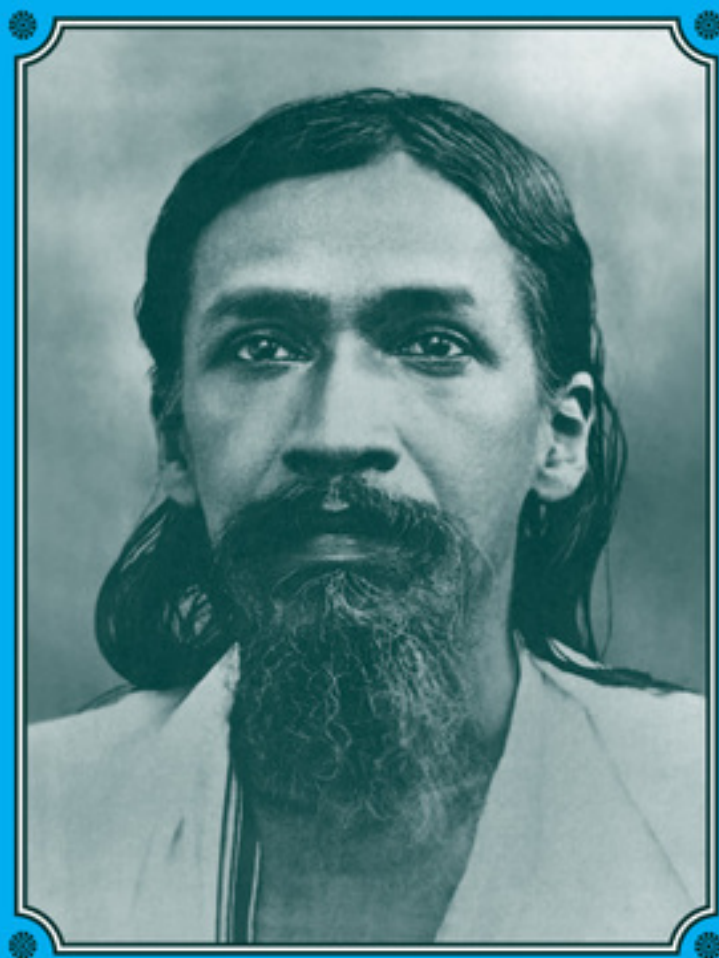

ШРИ АУРОБИНДО

ГИМНЫ
МИСТИЧЕСКОМУ
ОГНЮ

Шри Ауробиндо. Собрание сочинений

Шри Ауробиндо

**Шри Ауробиндо. Гимны
мистическому огню**

«Адити»

2008

Ауробиндо Ш.

Шри Ауробиндо. Гимны мистическому огню / Ш. Ауробиндо — «Адити», 2008 — (Шри Ауробиндо. Собрание сочинений)

ISBN 5-7938-0045-X

«Ригведа» представляет собой древнейший памятник индийской духовной культуры. Она практически целиком состоит из гимнов, обращенных к Индре, Агни и Соме. Шри Ауробиндо перевел гимны, посвященные Агни, на английский язык, так как посчитал, что именно они имеют первостепенную важность. В йоге Агни символизирует внутренний огонь — волю и действующую силу, позволяющую выполнять духовную практику и достигать благодаря ей великого совершенства, свободы, ясности сознания и бессмертия. Шри Ауробиндо передал в поэтической форме основные переживания, связанные с духовным откровением, содержащимся в этих гимнах.

ISBN 5-7938-0045-X

© Ауробиндо Ш., 2008

© Адити, 2008

Содержание

Предисловие	5
Биографическая справка	7
Введение	9
Учение мистиков	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Шри Ауробиндо

Гимны Мистическому Огню

Предисловие

«Ригведа» представляет собой древнейший памятник индийской духовной культуры. Она практически целиком состоит из гимнов, обращенных к различным богам ведийской эпохи, среди которых три главных места принадлежат Индре, Агни и Соме. Согласно эзотерической традиции, которая была продолжена индуистскими тантрами в позднейшее время, эти боги символизируют как внешние, так и внутренние энергии человека, которые тот задействует в своей духовной практике – садхане. Шри Ауробиндо перевел гимны, посвященные Агни, на английский язык, так как посчитал, что именно они имеют первостепенную важность. Агни, Огонь – это символ и непосредственное воплощение вселенского Сознания-Силы, того первоначала, с помощью которого Шри Ауробиндо предполагал осуществить великое нисхождение Супраментального сознания на землю. В рамках же других традиционных воззрений Агни рассматривается с двух сторон – внешней (ритуальной) и внутренней (йогической). В ритуале Агни представляет собой главного агента и посредника при совершении жертвоприношения (яджни), без которого никакое жертвоприношение в принципе совершено быть не может. Агни переносит жертву к богам, а от богов приносит людям разнообразные блага и духовную благодать. В йоге Агни символизирует внутренний огонь (тапас) – волю и действующую силу (на санскрите эта способность называется «крату»), позволяющую выполнять духовную практику и достигать благодаря ей великого совершенства, свободы, ясности сознания и бессмертия.

«Ригведа», как известно, состоит из десяти книг, называемых мандалами (буквально, «кругами» или «циклами», каждый из которых соотносился с определенными жреческими родами, принесшими на землю ту или иную разновидность духовного откровения и духовной практики). Гимны мистическому огню, или Агни, содержатся в девяти – во всех, за исключением девятой книги, которая целиком посвящена Соме – божеству мистического напитка бессмертия и экстагического опьянения, выводящего за пределы ограниченного сознания. Шри Ауробиндо извлек гимны Агни из этих девяти мандал и перевел их на английский язык, передав в поэтической форме основные переживания, связанные с духовным откровением, содержащимся в этих гимнах. Этим его переводы отличаются от классических академических, рассматривающих «Ригведу» исключительно в качестве ритуального и литургического собрания гимнов. С другой стороны, перевод Шри Ауробиндо претендует на научную значимость, так как он предпринял специальное текстологическое и культурологическое исследование с целью обосновать предложенное им понимание этого древнейшего произведения общепринятыми научными методами – в той мере, в какой это применимо к такому сложному памятнику и культурному явлению, как «Ригведа», особенно если иметь в виду ее значительную древность и чрезвычайную архаичность и специфичность языка.

Язык гимнов «Ригведы» – это язык мистической поэзии. Он не предназначен для понимания в обыденном смысле, и поэтому попытки истолкования «Ригведы», не принимающие в расчет многослойность ее смысла, а также ее функциональное назначение, до сих пор не дали связного представления о ее содержании. Шри Ауробиндо пошел по другому пути. Он перевел «Ригведу» на современный английский язык, но язык поэтический, который не просто излагает некое содержание, но и вызывает у читателя определенные образы и переживания, способные в большей мере приблизить его к пониманию содержания, чем буквальный перевод или простое изложение идей, кажущихся очевидными с позиций современного скептически настроенного обывателя-материалиста. Однако Шри Ауробиндо этим не ограничился и предпринял

попытку по-новому истолковать «Ригведу». В конце данного тома представлены два образца такого толкования с учетом многообразия смысла текста и его применения в зависимости от целей и уровня понимания. Кроме того, Шри Ауробиндо предложил свой метод работы над языком «Ригведы», основные принципы которого изложены в конце данной книги. Во Введении же Шри Ауробиндо призывает читателей не ограничиваться знакомством с этим великим памятником по переводам, а постараться прочитать гимны в оригинале на санскрите – это еще больше приблизит читателя к пониманию смысла и правильных коннотаций текста, которые раскрываются только языком оригинала, а также к пониманию того, что звучание мантр, из которых составлены гимны «Ригведы», столь же важно, как и их значение.

Биографическая справка

Шри Ауробиндо – выдающийся мыслитель, общественный и политический деятель, поэт-провидец, йогин – родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье доктора Гхоша, происходившего из знатного рода воинов-кшатриев. С семилетнего возраста обучался в Англии – сначала в школе Св. Павла в Лондоне, а затем в Королевском колледже в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. С ранних лет он проявил выдающиеся способности в латыни и греческом, а также в стихосложении.

В 1893 г. в возрасте 21 года Шри Ауробиндо возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет он занимает различные посты в администрации города Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. Кроме того, в эти годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии. Издававшийся им журнал «Банде Матарам» стал могучим голосом освободительного движения, впервые выдвинув идеал полной независимости страны, а также сформулировав конкретные методы его достижения. Одновременно он продолжает свое поэтическое творчество, а также погружается в изучение культурного и духовного наследия Индии, овладевает санскритом и другими ее языками и начинает постигать ее древние священные писания. Осознав подлинное могущество и ценность духовных открытий, давших жизнь всей ее богатейшей многовековой культуре, он в 1904 г. решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме по обвинению, грозившему ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден.

Этот год стал для него «университетом йоги»: он достиг фундаментальных духовных реализаций и осознал, что его цель не ограничивается освобождением Индии от иноземного господства, но состоит в революционном преобразовании всей природы мироздания, в победе над неведением, ложью, страданием и смертью.

В 1910 г., повинуясь внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичери, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжить интенсивные занятия йогой. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле «жизни божественной». Достижению этой цели он и посвятил себя, разработав для этого свою Интегральную Йогу.

С 1914 по 1921 г. он издает ежемесячное философское обозрение «Арья», где публикует свои главные труды, в которых подробно рассматривает основные сферы человеческого бытия в свете высшего Знания, обретенного в результате практики йоги, раскрывает истинный смысл древних писаний – Вед, Упанишад, Бхагавадгиты, значение и роль индийской культуры, исследует проблемы развития общества, эволюцию поэзии и поэтического творчества.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает 35 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которую он создавал в течение последних тридцати пяти лет жизни и которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

В центре уникального мировоззрения Шри Ауробиндо – утверждение о том, что мировая эволюция есть постепенное самопроявление, самообнаружение Божества, скрыто пребывающего в Природе в результате предшествующей инволюции. Поэтапно восходя от камня

к растению, от растения к животному и от животного к человеку, эволюция не останавливается на человеке, но, реализуя свою внутреннюю истину, тайную Божественность, устремляется дальше, к созданию более совершенного, «божественного» вида, который будет превосходить человека в гораздо большей мере, чем тот превосходит животное. Человек – лишь переходное ментальное существо, чье призвание – достичь более высокого, «супраментального», уровня сознания, Сознания-Истины, и низвести его в мир, преобразив все свое существо и всю жизнь в непосредственное выражение Истины.

Всю свою жизнь Шри Ауробиндо посвятил утверждению в нашем мире этого супраментального сознания, реализация которого должна привести к созданию на земле мира истины, гармонии и справедливости, предвещенного пророками всех времен и народов.

Шри Ауробиндо, Пондичери, 1915—1918 г.

Введение

В древние времена Веда почиталась как священная книга мудрости, как великое собрание вдохновенной поэзии, плод труда риши, провидцев и мудрецов, озаренным умам которых открылась – а не была познана лишь умозрительно – великая универсальная, вечная и безличная Истина, которую они воплотили в мантры, стихи силы, рожденные не обычным, но божественным вдохновением и произошедшие из божественного источника. Имя этих мудрецов было Кави; позднее это слово стало употребляться для обозначения любого поэта, но в то время его смысл был таков: «провидец истины». В Веде они описываются как *kavayah satyaśrutah*, «провидцы, которые слышат Истину», а сама Веда именовалась *śrutim* (*śruti*) – словом, которое стало означать «Писание откровения». В таком же качестве воспринимали Веду и провидцы времен Упанишад, и они часто обращались к ее авторитету, чтобы подтвердить истины, провозглашенные ими самими, а позднее также причисленные к Шрути, Писанию откровения, и вошедшие в священный Канон.

Эта традиция продолжилась в Брахманах, сохраняясь вопреки попыткам комментаторов ритуалистического толка, яджников, все объяснить как миф и обряд и несмотря на различие, введенное пандитами, согласно которому следовало выделять раздел деяний, Кармаканду, и раздел Знания, Джнянаканду – при том, что первый отождествлялся с гимнами Вед, а второй с Упанишадами. Это преобладание разделов, посвященных обряду, над разделами, связанными со Знанием, резко осуждается в одной из Упанишад и в Гите, но при этом и в той и в другой Веда рассматривается как Книга Знания. И все же канон Откровения, Шрути, включающий и Веды, и Упанишады, признавался наивысшим и непогрешимым авторитетом в сфере духовного знания.

Является ли все это легендой и вымыслом или безосновательной и даже бессмысленной традицией? Или дело в том, что эта теория появилась на свет лишь благодаря наличию небольшого количества высоких идей в ряде поздних гимнов? Не приписали ли авторы Упанишад стихам Ригведы смысл, которого в тех не было, создав его своим воображением или просто вольно истолковав? Современная европейская наука утверждает именно это. Она склонилась на свою сторону и умы современной Индии. В пользу европейской точки зрения говорит тот факт, что ведические риши были не только провидцами, но также песнопевцами и жрецами на жертвоприношениях – что их напевы, предназначенные для исполнения в ходе публичных жертвоприношений, постоянно отсылают нас к обычному ритуалу, и, видимо, нацелены на получение внешних плодов этих церемоний – богатства, процветания, победы над врагами. Саяна, великий комментатор, предлагает ритуалистическое и – в местах, где этого требует контекст, условное мифологическое или историческое толкование стихов Ригведы, крайне редко допуская более возвышенный смысл, хотя иногда он и предполагает этот смысл, – также и в качестве альтернативного, словно отчаявшись в возможности подобрать ритуалистическую или мифологическую трактовку. Тем не менее Саяна не отрицает ни духовный авторитет Веды, ни присутствия в ее гимнах более высокой истины. Впрочем, окончательное ее раскрытие было оставлено до наших времен и популяризовано западными учеными.

Европейские ученые переняли ритуалистическую традицию, но что касается всего прочего, то Саяну они просто оставили в стороне и занялись собственными этимологическими изысканиями или взялись строить собственные догадки в отношении ведических стихов, предложив новое толкование, во многом спорное и надуманное. Они принялись искать в Веде то, что их интересовало: древнюю историю Индии, ее общественное устройство, ее образ жизни – картину цивилизации тех времен. На основе различия языков они изобрели теорию арийского вторжения с севера, вторжения в дравидскую Индию, которое не запечатлелось ни в памяти, ни в традиции самих индийцев и не оставило никакого следа ни в эпической, ни в классиче-

ской литературе. Ведическая религия с их точки зрения представляла собой простое поклонение богам природы, основанное на солярных мифах и освященное жертвоприношениями и жертвенными церемониями, достаточно примитивными по идеям и по содержанию, – и вот эти варварские моления и составляют столь высоко ценимую, прославленную и возведенную на пьедестал Веду.

Нет сомнения, что вначале существовало поклонение силам физического мира – Солнцу, Луне, Небу и Земле, Ветру, Дождю, Буре и прочим силам, Священным Рекам и множеству богов, которые управляли явлениями Природы. Это общая особенность древнего культа поклонения в Греции, Риме, Индии и у других народов древнего мира. Но во всех этих странах такие боги постепенно приобретали более высокие, психологические функции; Афина Паллада, которая первоначально могла быть богиней Зари, восходившей в пламени из головы Зевса – бога Неба, ведического Дьяуса, в классической Греции выполняет более высокую функцию, а римляне отождествляют ее со своей Минервой, богиней учености и мудрости; аналогичным образом, Сарасвати, богиня Реки, становится в Индии богиней мудрости, учености, искусств и ремесел; все греческие боги претерпели различные превращения в этом направлении: бог Солнца Аполлон стал богом поэзии и пророчеств, бог Огня Гефест стал божественным кузнецом, богом труда. В Индии этот процесс остановился на полпути, и ведические боги, развив свои психологические функции, в значительной мере сохранили определенность внешнего характера, а представление более возвышенных идей уступили новому пантеону. Им пришлось отдать главенствующие позиции богам Пуран, которые развились из этой же ранней группы божеств, но приобрели более масштабные космические функции, – Вишну, Рудре, Брахме, произошедшему из ведического Брихаспати, или Брахманаспати, Шиве, Лакшми, Дурге. Таким образом, в Индии превращение, затронувшее богов, было менее полным – боги раннего периода стали подчиненными божествами пуранического пантеона. Это произошло в значительной степени благодаря тому, что сохранилась Ригведа, в которой сосуществовали и в равной степени подчеркивались их психологические и их внешние функции; в Греции же и в Риме не было таких древних литературных памятников, которые могли бы сохранить в себе изначальные черты греческих и римских богов.

Это превращение, очевидно, происходило под влиянием культурного развития этих древних народов, которые все больше опирались на разум, все меньше были поглощены физической жизнью и, по мере того, как успешно развивалась их цивилизация, у них возникала потребность видеть в своей религии и в своих богах более возвышенные и тонкие стороны, которые могли бы подтвердить их новые, в большей степени ментальные, концепции и интересы и открыть им подлинно духовное существо или некую небесную фигуру – дающую божественную поддержку и санкционирующую их действия. Однако главнейшая роль в определении и углублении этой направленности вовнутрь, несомненно, принадлежит мистикам, которые оказывали огромное влияние на эти древние цивилизации. Действительно, почти всем им предшествовала эпоха Мистерий, когда люди, обладавшие более глубоким уровнем знаний и самопознания, устанавливали свои порядки, значимые ритуалы, символику и тайную практику внутри или на границе более примитивных внешних религий. Этот процесс принимал различные формы в разных странах. В Греции существовали орфические и элевсинские мистерии, в Египте и Халдее – жрецы с их оккультной практикой и магией, в Персии – волхвы (маги), в Индии – риши. Важнее всего для мистиков было самопознание и углубленное знание мира. Они обнаружили, что под оболочкой внешнего физического человека находится глубинное «я» и внутреннее существо, открыть и познать которое есть его высочайшая задача. «Познай самого себя» – таково было их великое наставление, точно так же, как в Индии познание Себя (или Самости), Атмана, стало великой духовной потребностью, высочайшей целью человеческого существования. Эти мистики также обнаружили Истину, Реальность, лежащую за внешними проявлениями вселенной, и ее открытие, следование ей, осуществление этой Истины

было их великим устремлением. Они раскрыли тайны и силы Природы, которые не принадлежали физическому миру, но были способны дать оккультную власть над ним и над предметами, находящимися в нем; систематизация этого оккультного знания и способностей также сделалась одним из их главных занятий. Но безопасно заниматься этими вещами можно было только после трудной и тщательной подготовки, соблюдения дисциплины и очищения своей природы – человеку обычному это было не под силу. Вступая в эту область без суровой проверки и подготовки, человек подвергал опасности и себя, и других; это знание, эти силы могли быть неправильно использованы, неправильно истолкованы, обращены от истины ко лжи, от добра ко злу. По этой причине все это было окружено строгой тайной, и под ее покровом знание передавалось от учителя к ученику. Была создана завеса из символов, за которой могли укрыться эти таинства, выработан язык, доступный пониманию лишь посвященных и непонятный для других или понимаемый ими в смысле, лежащем на поверхности, который тщательно укрывал подлинное значение и тайну слов. Это было сутью мистицизма повсеместно.

Индийская традиция с древнейших времен относила риши, ведических поэтов-провидцев, к людям этого типа, людям великого духовного и оккультного знания, недоступного для обычных людей, передававшим это знание и свои силы потомкам и избранным ученикам через тайное посвящение. Нелепо предполагать, будто эта традиция ни на чем не основывалась, а была лишь суеверием, ровно ничем не подтверждаемым, которое вдруг или постепенно возникло на пустом месте; обязательно должно было быть какое-то основание, пусть даже незначительное или приумноженное легендами и обросшее добавлениями в течение веков. Но в таком случае поэты-провидцы в своих произведениях неизбежно должны были выражать нечто из этого тайного знания, упоминать нечто относящееся к тайной практике, и этот элемент должен присутствовать в их произведениях, пусть даже тщательно скрываемый оккультным языком или особой символикой, – а если этот элемент существует, то должна существовать и возможность его раскрытия. Несомненно, древний язык, устаревшие слова – Яска насчитывает свыше четырех сотен таких, значение которых ему не известно, – стиль, зачастую усложненный и архаичный, не способствовали прояснению смысла; а утрата значений символов риши, ключ к которым они держали в тайне, сделала их недоступными пониманию позднейших поколений. Уже духовные искатели времен Упанишад были вынуждены прибегать к инициации и медитации, чтобы проникнуть в тайное знание риши, что же касается исследователей других времен, то тем не на что было опереться, они вынуждены были идти путем догадок и сосредоточиваться на ментальной интерпретации или искать объяснений в мифах, в легендах из Брахман, которые и сами зачастую символичны и туманны. Тем не менее, понять истинный смысл и истинную ценность Веды можно только одним способом – через расшифровку ее символики. Нам следует со всей серьезностью отнестись к совету Яски – взять за основу описание риши содержания Веды как «мудрости провидцев, слов провидцев» – и искать хоть какой-то ключ к этой древней мудрости. В противном случае, Веде придется навек остаться книгой за семью печатями; грамматисты, этимологи и академические домыслы не помогут нам открыть запертые покои.

Ибо это факт, что традиция сокровенного смысла и мистической мудрости, изложенная в стихах древней Веды, так же стара, как и сама Веда. Ведические риши верили, что вдохновение, создающее мантры, приходит к ним из более высоких, скрытых уровней сознания и мантры содержат в себе это тайное знание. Слова Веды в своем истинном смысле могли быть поняты лишь тем, кто сам есть провидец или мистик; от других же стихи утаят свое сокровенное знание. В одном из гимнов четвертой мандалы (IV.3.16) его автор, риши Вамадева, говорит о себе как об озаренном, выражающем своей мыслью и речью слова наставления, «сокровенные слова» – *nīṇyā vacāṁsi* – «прозрения провидческой мудрости, возвещающие свой скрытый смысл провидцу» – *kāvyaṇi kavaye nivacanā*. Риши Диргхатамас говорит, что рики, мантры Ригведы, существуют «на высочайших небесах, нетленных и неизменных, где восседают все боги», добавляя: «кто не знает То – что он будет делать с риком?» (I.164.39). Затем риши упо-

минает четыре уровня, на которых рождается речь; три из них скрыты в тайне, четвертый же – человеческий уровень, из которого исходит обычное слово; но слово и мысль Веды принадлежат уровням высшим (I.164.46). В другом стихе (X.71) ведическое Слово описывается как наивысшая из вершин речи, как самое лучшее и самое безупречное. Это есть нечто покрытое тайной, из тайны выходит оно, проявляясь. Оно вошло в провидцев истины, в риши, и обнаруживается, если следовать путем их речи. Но сокровенный смысл Слова доступен не всем. Кому неведом внутренний смысл, те подобны людям, которые смотрят и не видят, слушают и не слышат; только редкому избраннику Слово, желая его, открывает свое тело, словно жена, которая сбрасывает перед мужем нарядные одежды. Другие, кто не способен постоянно пить молоко Слова, коровы Вед, бредут за ним как за коровой недоющей, для них Слово – дерево без цветов и без плодов. Описание весьма ясное и точное; из него можно сделать несомненный вывод о том, что уже во времена создания Ригведы ее стихам приписывался сокровенный смысл, доступный далеко не каждому. В священных гимнах содержалось оккультное и духовное знание, и, как сказано, только через него может человек познать истину и подняться к высшему существованию. Вера в это относится не к позднейшей традиции – ее, по всей вероятности, разделяли все и уж, безусловно, такие великие риши, как Диргхатамас и Вамадева.

Следовательно, традиция существовала уже тогда и продолжила свое существование и после ведической эпохи. Яска упоминает несколько школ истолкования Веды. Среди них школа ритуалистической интерпретации, исторической или, скорее, мифологической интерпретации, традиция грамматических и этимологических объяснений, логических толкований и духовная интерпретация. Сам Яска утверждает существование тройного знания и, соответственно, тройного смысла ведических гимнов. Это знание обряда или ритуалистическое знание, знание божеств и, наконец, знание духовное; но истинно только последнее – и когда человек постигает его, другие отпадают или отбрасываются. Спасителен только духовный смысл, все прочие носят внешний или подчиненный характер. Далее Яска говорит: «риши видели истину, истинный закон вещей, непосредственно внутренним видением»; впоследствии же знание и внутренний смысл Веды были почти утрачены, и риши, все еще хранившим это знание, приходилось сохранять его, передавая только через посвящение своим ученикам, на самой же последней стадии для выявления смысла уже приходилось прибегать к внешним, порожденным интеллектом средствам – таким, как Нирукта и другие Веданги. Но все равно, продолжает Яска, «истинный смысл Веды может быть вновь обретен непосредственно через медитацию и тапасью», и кто способен прибегнуть к этим средствам, не нуждается ни в каких внешних способах познания. Это утверждение также достаточно ясное и позитивное.

Традиция, придающая мистическому элементу в Веде значение источника индийской цивилизации, религии, философии, культуры, гораздо созвучней историческим фактам, чем результаты европейского исследования этой идеи. Европейские ученые XIX века, работавшие в эру материалистического рационализма, рассматривали историю народа как процесс развития из состояния примитивного варварства или полуварварства, от грубой социальной системы и религии, от нагромождения суеверий, как становление внешних институтов цивилизации, образа жизни и навыков – через развитие интеллекта и рассудка, искусства, философии и науки, а также более ясного и здравого и более практического разума. Древние представления о Веде не могли уложиться в эту схему; их рассматривали как часть архаичных суеверных идей и примитивных заблуждений. Однако сейчас мы можем выработать более верное представление о развитии народа. Древние примитивные цивилизации содержали в себе элементы грядущего роста, но мудрецы древности были не учеными или философами, не людьми высокоразвитого интеллектуального мышления – они были мистиками и даже людьми мистерий, оккультными практиками, духовными искателями; они искали истину, скрытую за поверхностью вещей, а не знание внешнего мира. Ученые и философы появились позже; им предшествовали мистики, а зачастую они сами, подобно Пифагору и Платону, были в известной степени мистиками или

почерпнули от мистиков многие свои идеи. В Индии философия выросла из исканий мистиков, сохранила и развила их духовные цели, а многие мистические приемы были использованы в позднейшей индийской духовной дисциплине и в йоге. Ведическая традиция, наличие мистического элемента в Веде полностью согласуются с этими историческими фактами, занимая свое место в истории индийской культуры. Традиция Веды, как первоосновы индийской цивилизации, а не просто варварской литургии жертвоприношения, есть больше чем традиция, это подлинный исторический факт.

Но, даже если в ведических гимнах можно обнаружить элемент высокого духовного знания или места, исполненные возвышенного духовного смысла, то можно было бы предположить, что это, вероятно, лишь небольшая часть текста, все же остальное – это литургия жертвоприношения, молитвенные формулы и восхваления богов, которые были нужны для того, чтобы упросить их осыпать приносящих жертвы материальными благами, даровать им изобилие коров, коней, воинов, сыновей, пищи, всякого рода богатства, защиту, победу в битве или же пролить дождь с небес, возвратить солнце из-за туч или высвободить его из тисков Ночи, дать свободно течь семи рекам, отвоевать украденный скот у дасью (или дравидов), или даровать прочие блага, которые на первых взгляд кажутся целью этого ритуального поклонения. Если так, то риши предстают в виде людей, которые наделены некоторым духовным или мистическим знанием, но в целом над ними довлеют общепринятые представления, свойственные их времени. Значит, эти два элемента должны бы были тесно переплетаться в их гимнах, что хотя бы отчасти объяснило ту туманную, довольно странную, а иногда имеющую гротескный вид путаницу, которую нам предлагает традиционное истолкование Веды. Однако если, напротив, несомненно обнаруживается значительный объем свидетельств высокой мысли, если существует значительное число стихов или целых гимнов, по характеру и смыслу допускающих только мистическое истолкование, и, наконец, если обнаруживается, что поверхностные или ритуалистические подробности часто принимают вид символов, какие обычно используются в мистической литературе, и если в самих гимнах есть множество ясных указаний или даже недвусмысленных утверждений, раскрывающих этот сокровенный смысл, тогда это меняет всю картину. Тогда мы имеем дело с великим мистическим писанием, с писанием, имеющим двойной смысл – экзотерический и эзотерический, где сами символы обладают смыслом, делаящим их частью эзотерического, элементом сокровенного учения и знания. Тогда вся Ригведа, за вычетом, возможно, небольшого числа гимнов, по своему внутреннему содержанию становится таким Писанием. В то же время экзотерический смысл необязательно является лишь маской; возможно, что риши рассматривались их авторами как слова, обладающие силой, способные воздействовать не только на внутренний, но и на внешний мир. Чисто духовное писание было бы сосредоточено на одном только духовном смысле, но древние мистики были еще и теми, кого сегодня мы бы назвали оккультными практиками, людьми, считавшими, что внутренние методы могут давать результаты как во внутреннем, так и во внешнем мире, что мысли и слова могут служить всякого рода свершениям, что – по выражению, часто встречающемуся в самой Веде, – они способны осуществлять задачи как человеческие, так и божественные.

Но как отыскать в Веде это эзотерическое содержание? Его можно раскрыть, только придав неизменное и самое прямое значение всем словам и формулам, употребляемым риши, в особенности тем ключевым словам, которые служат краеугольным камнем всей структуры их учения. Одно из них – это великое слово Ритам, Истина; Истина была главной целью исканий мистиков – духовная или внутренняя Истина, истина нас самих, истина вещей, истина мира и богов, истина за всем, что мы есть, и за всем сущим. В ритуалистической интерпретации это ключевое слово ведического знания толковалось во всех возможных смыслах, в согласии с удобством и фантазией толкователя; ему приписывались такие значения, как «истина», «жертвоприношение», «вода», «ушедший» и даже «пища», – не говоря о множестве других. Если мы будем поступать таким же образом, то утратим всякую уверенность в правильности понимания

Веды. Однако, стоит нам начать последовательно придавать этому слово один и тот же ключевой смысл, как мы придем к непривычному, но ясному результату. Если же использовать эту методику в отношении других установившихся терминов Веды, придавая им при прочтении обычное, естественное, прямое значение и придерживаясь этого значения неуклонно и последовательно, не играя со смыслом и не обращая слово в чисто ритуалистический термин, если допустить психологическое истолкование для таких важных слов, как *шравас* (*śravas*), *крату* (*kratu*), которое они вполне могут иметь и которое они, несомненно, имеют в определенных местах, например, когда Агни описывается как *kratur hr̥di* («воля в сердце»), – то результат становится еще более ясным, объемлющим и убедительным. Если еще, вдобавок, следовать указаниям, встречающимся весьма часто подчас даже в форме недвусмысленных заявлений риши о внутреннем смысле их символики, и толковать в том же смысле значимые легенды и фигуры, к которым риши постоянно возвращаются, – победу над Вритрой и битву с вритрами – его силами, высвобождение Солнца, Вод, Коров из-под власти пани и других дасью, – то вся Ригведа раскроется перед нами как вместилище учения и практики – эзотерической, оккультной, духовной, учения и практики, какие могли бы быть созданы мистиками в любой из стран древнего мира, но которые реально дошли до нас только в Веде. Это учение умышленно скрыто под завесой, но завеса на поверку оказывается менее плотной, чем казалась вначале; стоит только нам самим пристальнее взглянуть – и завеса исчезает; перед нами восстает сокровищница божественного Слова, Истины.

Многие стихи и даже целые гимны Веды несут на поверхности свой мистический смысл; они определенно являются оккультной формой выражения, обладающей внутренним смыслом. Когда провидец говорит об Агни как о «лучезарном хранителе Истины, сияющем в своем собственном доме», или говорит, что Митра, Варуна и другие боги «соприкасаются с Истиной, заставляя Истину расти», или называет их «рожденными в Истине», становится очевидно, что это слова мистического поэта, который имеет в виду внутреннюю Истину за поверхностью вещей – ту, что искали древние мудрецы. Поэт не имеет в виду Природную Силу, что управляет внешним элементом огня, не имеет он в виду и огонь ритуального жертвоприношения. Или же поэт говорит о Сарасвати как о той, что приводит в движение слова Истины и пробуждает к правильному мышлению, или как об изобилующей мыслями: Сарасвати пробуждает к осознанию или дает нам осознать «Великий Океан и озаряет все наши мысли». Конечно же поэт воспекает не богиню Реки, но Энергию, если угодно, Поток вдохновения, слово Истины, несущее свой свет в наши мысли, созидавая в нас эту Истину, внутреннее знание. Боги постоянно предстают в своих психологических функциях; жертвоприношение есть внешний символ некоей внутренней работы, внутреннего обмена между богами и людьми, при котором человек отдает то, что у него есть, а боги взамен дают ему коней энергии, стада света, героев Силы, дабы они составили его свиту, завоевывая ему победу в битве с ордами Тьмы, с вритрами, дасью и пани. Когда риши говорит: «Да станем мы сознательны – силой Скакуна ли, Словом ли Мощи, что превыше человека», то его слова либо заключают в себе мистический смысл, либо вообще не имеют какого-либо определенного значения. Среди отрывков, переведенных в настоящей книге, есть много мистических стихов и целых гимнов, которые, при всей их мистичности, срывают завесу с внешних образов жертвоприношения, за которыми скрыт подлинный смысл Веды. «Мысль, – говорит риши, – вскормила для нас вещи человеческие в Бессмертных, в Великих Небесах; она корова молочная, что доится богатством многих форм»; многие формы богатства – это и коровы, и лошади, и все прочее, о чем молит приносящий жертву; очевидно, что здесь и речи нет о материальных благах, ведь это нечто, что Мысль – Мысль, воплощенная в Мантре – способна дать нам, и это результат той же Мысли, которая вскормила наши человеческие вещи в Бессмертных, в Великих Небесах. Процесс обожения и принесения вниз на землю великих и светоносных богатств, сокровищ, отвоеванных у Богов внутренним трудом жертвоприношения, описывается намеками и терминами нарочито затуманенными, но тем не

менее для того, кто знает как читать сокровенные слова, *nīṇyā vacāṁsi*, они достаточно выразительны, *kavaye nivacanā*. И далее снова, Ночь и Заря – вечные сестры – подобно «радостно ткущим женщинам, вплетают нити наших совершенных трудов в ткань жертвоприношения». Опять слова, наделенные мистической формой и значением, но едва ли можно представить себе более позитивное утверждение о психологическом характере Жертвоприношения, подлинном значении Коровы, желаемых богатств, изобилия Великого Сокровища.

Необходимость маскировать содержание символами и символическими словами – ибо тайна должна оберегаться – вынуждает риши обращаться к словам с двойным значением, что не представляет особых трудностей в санскрите, где одно слово часто имеет несколько значений, зато отнюдь не легко, а то и просто невозможно, перевести на английский. Так, слово *go* (*go*), корова, также означает свет или луч света; оно встречается в именах некоторых риши – Готама, самый лучезарный, Гашиштхира, непоколебимый в Свете. Ведические коровы были Стадами Солнца, знакомыми по греческим мифам и мистериям, они – лучи Солнца Истины, Света и Знания; это значение, которое вытекает из ряда стихов, может последовательно применяться во всей Веде и всюду давать убедительный смысл. Слово *ghṛta* (*ghṛta*) означает *gḥi*, очищенное топленое масло, которое служило одним из главных компонентов в жертвенном обряде; однако *ghṛta* может значить и свет – от корня *ghṛ*, сиять, и во многих случаях слово употребляется именно в этом значении. Так, кони Индры, Повелителя Небес, описываются как «брызжащие светом», *ghṛtasnū*,¹ что, конечно же, не означает, что на скаку с них льется топленое масло, хотя этот же эпитет похоже подразумевает именно масло, когда употребляется в связи с зерном, которым предлагают угоститься коням Индры, появляющимся на жертвоприношении.

Очевидно, в символике жертвоприношения значение «свет» дублируется вторым – «очищенное топленое масло». Мысль или слово, ее выражающее, сравниваются с чистым топленным маслом, возникают выражения типа *dhiyaṁ ghṛtācīm* – светоносная мысль или понимание. В одном из гимнов, приведенных в этой книге, есть любопытный пассаж: Огонь, как жрец жертвоприношения, призывается окропить приношение умом, изливающим *ghṛtamy*, *ghṛtapruṣa tanasā*, тем самым делая явленными Сидения («места», или «уровни»), каждое из которых вмещает трое небес, и явить Богов² (2.3.2).

Но что это за ум, изливающий топленое масло, и каким образом может жрец, выливая топленое масло, явить собравшимся Богов и тройные небеса? Смысл становится ясным, если допустить мистическое и эзотерическое значение слов. Риши подразумевает «ум, изливающий свет», работу ясности просветленного или озаренного ума; и не жреца в человеческой форме, не жертвенный огонь, но внутреннее Пламя, мистическую провидческую волю, *kavikratu*, несомненно, способную этим процессом проявить Богов, миры и все уровни бытия. Необходимо помнить, что риши были провидцами, как и мудрецами, – они были людьми видения, которым в своем созерцании представали вещи в образах, часто символических, предваряющих переживание или сопутствующих ему и придающих переживанию конкретную форму, возможно, предопределяя или придавая оккультное содержание опыта; так что риши вполне мог одновременно видеть внутреннее переживание и его символическую суть в образе: поток чистого света и бога-жреца, выливающего это очищенное масло на внутреннее подношение себя (*self-offering*), которое и дает риши это переживание. Все это может казаться странным для западного ума, но для ума индийского, привыкшего к индийской традиции или познавшего медитацию и оккультное видение, здесь все предельно ясно. Мистики были и, естественно, остаются символистами; они способны воспринимать физические вещи и события как символы внут-

¹ Саяна, который в нескольких местах переводит *ghṛta* как свет, в данном случае предлагает значение «вода»; вероятно, он думает, что божественные кони сильно устали и вспотели! Истолкователь натуралистического толка мог бы начать доказывать, что поскольку Индра есть Бог неба, то примитивный поэт вполне мог верить, будто дождь – это капли пота с коней Индры.

² Это перевод Саяны, буквально передающий значение слов.

ренных истин и реальностей – даже свои внешние «я», внешние события своей жизни и все, что их окружает. В силу этого для них было легким отождествление или даже объединение вещи или явления и его символа.

Напрашивается сходное истолкование и других часто встречающихся в Веде символов и слов. Как ведическая «корова» есть символ света, так «конь» в Веде есть символ энергии, духовной мощи, силы тапаси. Когда риши просит Агни о «даре в форме лошади с коровой впереди», он на самом деле просит не о табуне коней, который образовал бы содержание, основу дара – впереди которого шествовали бы еще и коровы, – риши молит об огромной духовной силе, ведомой светом, или же, как это можно перевести, «с Коровой Света, идущей во главе»³.

Если в одном гимне описывается освобождение из-под власти Пани массы лучей (коров – сияющих стад, *gavyam*), то в другом риши просит Агни о полноте изобилия или энергии коня – *aśvuyam*. Точно так же риши иногда просит о героях или воинах для своей свиты, в некоторых случаях переходя на более абстрактный и свободный от символов язык и говоря о совершенной силе героя – *svīryam*, иногда же он сочетает символы с тем, что они обозначают. Также риши просят о сыне, или о сыновьях, или о потомстве, *apatyam*, как о составной части того богатства, о котором они молят Богов, но и в этом можно усмотреть эзотерический смысл, ибо в некоторых местах рождение сына описывается явно как образ некоего внутреннего рождения: сам Агни есть наш сын, дитя наших трудов, дитя, которое в качестве Вселенского Огня есть отец своих отцов, и, следуя по стопам тех, кто имеет хорошее потомство, мы пролагаем или открываем путь к высшему миру Истины. Как символ используется в Веде и слово «вода». В Веде говорится о бессознательном океане, *salilam apraketam*, в который вовлечено Божественное и из которого оно рождается своим величием; в Веде говорится и о великом океане, *mahā arṇah*, верхних водах, которые, как сказано в одном гимне, Сарасвати делает осознанными для нас или которые она дает нам осознать при помощи луча интуиции: *pra cetayati ketunā*. Семь рек похожи на реки северной Индии, но в Веде говорится о семи могущественных Небесных реках, которые текут с Небес; это воды, наделенные знанием, ведающие Истину – *ṛtajñā*, и, будучи освобождены, они открывают нам путь к великому Небу. Таким же образом Парашара говорит о Знании и универсальной Жизни «в доме вод». Убив Вритру, Индра освобождает дождь – но дождь этот также – дождь Небес – и выпускает течь реки. Так легенда о высвобождении вод, занимающая столь большое место в Веде, приобретает значение символического мифа. С ней сопряжена другая символическая легенда – о том, как Боги и риши Ангирасы отыскали и вызволили из темной пещеры в горе Солнце, коров или солнечных стада, или солнечный мир – *Svar* (*svar*). Символ Солнца постоянно ассоциируется с наивысшим Светом и Истиной: в Истине, сокрытой низшей Истиной, распрягаются кони Солнца, великая мантра Гаятри призывает Солнце, наивысший Свет, привести наши мысли в движение. Также в Веде говорится и о врагах, как о грабителях, дасью, которые угоняют коров, или вритрах, которые в обычной интерпретации принимаются за враждебно настроенных людей, но Вритра – демон, прячущий и удерживающий Свет и воды, а вритры – его силы, выполняющие эту функцию. Дасью – грабители или разрушители – суть силы мрака, противники ищущих Свет и Истину. Здесь мы постоянно наталкиваемся на указания, которые ведут нас от внешнего и эзотерического смысла к внутреннему и эзотерическому.

В связи с символом Солнца здесь можно упомянуть знаменательный и чрезвычайно важный гимн из восьмой мандалы; он не только иллюстрирует глубину мистического символизма ведийских риши, но и показывает, как понимали Ригведу авторы Упанишад и что внушало им веру во вдохновенное знание их предшественников. В гимне говорится: «Есть Истина, сокрытая Истиной, где распрягают коней Солнца; десять сотен стояли вместе, там было То Единое»⁴

³ Сравните это выражение с описанием ариев – благородного народа, ведомого светом, *jyotir-agrāḥ*.

⁴ Или – То (наивысшая Истина) было единственным.

, я видел величайшего (наилучшего, славнейшего) из воплощенных богов»⁵. Отметим, как провидец Упанишад переводит эту мысль или этот мистический опыт в термины своего, более позднего, стиля, сохраняя центральный символ Солнца, но уже не делая тайны из его значения. В Упанишадах этот отрывок выглядит так: «Лик Истины сокрыт золотым заслоном. О Пушан, устрани его ради видения закона Истины»⁶. О Пушан (пестующий), провидец единственный, о Яма, о Солнце, о Дитя Отца всех существ, направь и вместе собери свои лучи; я вижу Свет, который есть прекраснейшая (благодатнейшая) из форм твоих; он, кто есть этот Пуруша, Он – это я».

Подразумевается, что золотой заслон есть то же самое, что и низшая, скрывающая истина, *ritam* (*rtam*), о которой говорится в ведийском стихе; «наилучшее из тел богов» – то же, что и «прекраснейшая форма Солнца», это высочайший Свет, иной и более великий, чем любой внешний свет; великая формула Упанишад «Он – это я» соответствует Тому Единому, *tad ekam*, стиха Ригведы; выражение «десять сотен стоящих вместе» (Саяна говорит, что это лучи Солнца, и смысл, очевидно, таков) воспроизводится в мольбе к Солнцу «направить и собрать его лучи», дабы сделать зримой его наивысшую форму. Солнце, упоминаемое в обоих отрывках, выступает – неизменно в Веде и часто в Упанишадах – как Божество наивысшей Истины и Знания, а его лучи – как свет, исходящий из этой высшей Истины и Знания. Из этого примера, который можно подкрепить и другими, ясно, что провидец Упанишад куда лучше понимает смысл древней Веде, нежели средневековый комментатор-ритуалист со всеми своими гигантскими познаниями, и значительно лучше, чем современный и в корне отличный от него ум европейского ученого.

Есть определенные психологические термины, которые должны последовательно пониматься в их истинном смысле, если мы хотим обнаружить их внутреннее или эзотерическое значение. Помимо Истины, *ritam*, очень часто повторяется в гимнах слово *дхи* (*dhī*), которое нужно всегда понимать как «мысль». Это естественное значение *дхи*, соответствующее позднейшему слову «буддхи»; это слово означает мысль, понимание, разум, а во множественном числе «мысли», *dhiyah*. В общепринятом толковании этому слову приписываются разнообразнейшие значения: «вода», «работа», «жертвоприношение», «пища» и т. д., а также и «мысль». Однако в нашем поиске мы должны последовательно брать это слово в его обычном и естественном значении и смотреть, каков будет результат. Слово *кету* (*ketu*) обычно значит «луч», но имеет еще и такие значения, как «интеллект», «суждение» и «интеллектуальное восприятие». Сопоставляя те места в Веде, где встречается это слово, можно прийти к заключению, что оно означает луч восприятия или интуиции; например, при помощи луча интуиции, *ketunā*, Сарасвати дает нам осознать великие воды; скорее всего, в этом смысл тех лучей, которые исходят из Высочайшего основания вверху и направлены вниз; это интуитивные проблески знания, предстающие в виде лучей Солнца Истины и Света. Слово *крату* (*kratu*) обыкновенно обозначает действие или жертвоприношение, но помимо этого еще и разум, силу или решимость и, в особенности, силу разума, которая определяет собой действие, – волю. Для эзотерического прочтения Веде мы можем воспользоваться как раз этим последним значением. Агни есть провидческая воля, *kavikratu*, он есть «воля в сердце», *kratur hr̥di*. И наконец, слово *шравас* (*śravas*), которое постоянно употребляется в Веде в значении «слава», тоже толкуется комментаторами как «пища», но эти значения не везде подходят и очень часто лишены всякого смысла или неуместны. Дело в том, что *śravas* — слово, производное от корня *śru* («слышать») – употребляется и в прямом значении («слух») или в значении гимна или молитвы (такие значения признает за ним и Саяна), из чего можно заключить, что это слово надо понимать как «нечто услышанное» или как знание, полученное нами в результате слышания. Риши говорят о себе

⁵ Или – я видел величайшее (наилучшее) из тел богов.

⁶ Или – ради закона Истины, ради видения.

как о слышащих Истину, *satyaśrutah*, а о знании, полученном таким путем, как о Шрути. Мы можем предположить, что в эзотерическом смысле Веды *upavas* есть вдохновение или вдохновенное знание, и обнаружим, что это значение слова везде оказывается совершенно уместным; так, когда риши говорит о *śravāṁsi*, которые либо поднимаются ввысь, либо нисходят сверху, то здесь явно нет связи ни с пищей, ни со славой, зато слово употреблено совершенно уместно и осмысленно, если имеются в виду вдохновения, восходящие вверх к Истине или низводящие Истину вниз, к нам. Такой метод мы можем использовать повсеместно, но обсуждать его далее здесь у нас нет возможности. В сжатых рамках этого введения приходится довольствоваться общими положениями, которые призваны дать читателю начальное представление об эзотерическом методе толкования Веды.

Но что же тогда составляет сокровенную суть, эзотерический смысл, который проявляется благодаря такому пониманию Веды? Это именно то, что мы и предполагали, исходя из самой природы исканий мистиков, где бы они ни происходили. Это также есть, как и следовало ожидать, исходя из реального направления развития индийской культуры, древняя форма духовной истины, находящей свое завершение в Упанишадах; сокровенное знание Веды есть семя, развившееся впоследствии в Веданту. Мысль, вокруг которой сосредоточено все остальное, это поиск Истины, Света, Бессмертия. Существует Истина, более глубокая и высокая, нежели истина внешнего существования, Свет – более великий и высокий, нежели свет человеческого понимания, – дающийся нам через вдохновение или откровение, бессмертие, к которому должна возвыситься душа. Нам надо найти путь к этому, войти в соприкосновение с этой Истиной и Бессмертием, *sapanta ṛtam amṛtam*⁷, родиться в Истине, расти в ней, вознестись в духе в мир Истины и жить в нем. Сделать это – значит соединиться с Божественностью и совершить переход от бренности к бессмертию. Это первое и главное положение ведических мистиков. Платоники, развивая учения древних мистиков, утверждали, что наша жизнь связана с двумя мирами – миром высшей истины, который можно назвать духовным, и миром, в котором мы живем, миром души, заключенной в плоть, который произошел от высшего, но опустился вниз, погрузившись в низшую истину и в низшее сознание. Ведические мистики придерживались этого учения в более конкретной и прагматической форме, так как обладали опытом обоих миров. Истина в нашем мире есть истина низшего порядка, потому что она смешана с неистинной и заблуждением, *anṛtasya bhūreḥ*⁸, но есть мир или обитель Истины, *sadanam ṛtasya*⁹, где изначально пребывает Истина, Порядок и Беспредельность, *satyam ṛtam bṛhat*¹⁰, где все представляет собой Сознание-Истину, все есть *ṛtacit*¹¹.

Есть много промежуточных миров, вплоть до тройных небес с их светом, но это – мир высочайшего света, мир Солнца Истины, *sva*, или Великое Небо. Нам требуется отыскать путь в это Великое Небо, путь Истины, *ṛtasya panthāḥ*¹², или путь богов, как его иногда называют. Это – второе положение мистиков. Третье сводится к тому, что наша жизнь есть битва между силами Света и Истины, бессмертными Богами, и силами Тьмы. Последние упоминаются под различными именами: это – Вритра и вритры, вала и пани, дасью и их цари. Нужно призвать на помощь Богов, чтобы сокрушить противодействие этих сил Тьмы, которые скрывают Свет и отнимают его у нас, которые не дают течь рекам Истины, *ṛtasya dhārāḥ*¹³, потокам с Неба, и всеми способами препятствуют возвышению души. Мы должны призвать Богов посредством внутреннего жертвоприношения и Словом пробудить их в нас, в этом и заключается особая

⁷ I.68.2.

⁸ VII.60.5.

⁹ I.164.47, а также IV.21.3.

¹⁰ Атхарваведа XII.I.1.

¹¹ IV.3.4.

¹² III.12.7, а также VII.66.3.

¹³ V.12.2, а также VII.43.4.

сила Мантры – принести им жертвенные дары, тем самым обеспечивая их ответные дары и пролагая себе путь восхождения к цели.

Элементы внешнего жертвоприношения используются в Веде в качестве символов внутреннего жертвоприношения и приношения в жертву самого себя; мы отдаем то, чем мы являемся, и то, чем располагаем, дабы богатства божественной Истины и Света смогли низойти в нашу жизнь и стать элементами нашего внутреннего рождения в Истине – в нас должны развиваться правильное мышление, правильное понимание, правильное действие, которые будут мышлением, побуждением и действием этой высшей Истины, *ṛtasya preṣā, ṛtasya dhītiḥ*¹⁴, и через них мы должны созидать себя в этой Истине. Наше жертвоприношение есть путешествие, паломничество и битва – путешествие к Богам; и мы совершаем это путешествие вместе с Агни, внутренним Огнем, который служит нам проводником и предводителем. Составляющие нашего человеческого бытия этот мистический Огонь возносит в бессмертное бытие, в Великое Небо, и проявления божественного бытия нисходят в нас. Подобно тому как сущностные положения Ригведы есть семя учения Веданты, ее внутренняя практика и дисциплина есть семя позднейшей практики и дисциплины Йоги. Наконец, вершиной учения ведических мистиков является тайна единой Реальности, *ekam sat*¹⁵ или *tad ekam*¹⁶, которая станет основой Упанишад. Боги, силы Света и Истины, суть энергии и имена Единого, каждый Бог – это все Боги, каждый несет всех их в себе: существует единая Истина, *tat satyam*¹⁷, и единое блаженство, и это то, к чему мы должны совершить наше восхождение. Однако в Веде это положение по большей части еще едва проглядывает из-под покрыва тайны. В Веде есть и многое другое, но это положение составляет ядро всего учения.

Предлагаемое мной истолкование было подробно изложено в серии статей под общим названием «Тайна Веды», публиковавшихся в философском ежемесячнике «Арья» лет тридцать назад; статьи появлялись по мере того, как я разрабатывал теорию, поэтому серия не охватывает всего, да и писались статьи без общего, хорошо продуманного плана, отдельной книгой они не выходили и пока недоступны читателю. Статьи сопровождались переводами ряда гимнов Ригведы, скорее толкованиями, нежели переводами, – которым было предпослано пояснение «Учения мистиков». Впоследствии планировалось подготовить полный перевод гимнов к Агни из всех десяти мандал – перевод, близкий к оригиналу; переводы гимнов к Агни из второй и шестой мандал, а также нескольких гимнов из первой мандалы впервые публикуются в этой книге. Однако для того, чтобы заложить научную основу для выводов из моей гипотезы, потребовалось бы подготовить издание всей Ригведы или большей ее части, толкуя каждое санскритское и английское слово, давая пояснения к важным положениям текста и доказывая правомерность интерпретации отдельных слов и целых стихов, не говоря уже о подробных комментариях для окончательного уточнения смысла таких ключевых слов, как *ṛta, śravas, kratu, ketu* и т. д., существенных для эзотерического истолкования. Все это тоже планировалось, но в планы вторглись более значительные заботы постоянного характера, которые не оставили времени для выполнения столь серьезного замысла. Данное введение было написано для тех читателей переводов гимнов, которые могли оказаться в растерянности без пояснений. Кроме того, в книгу включены отрывки из не печатавшегося ранее «Учения мистиков». Для тех, кто читает на санскрите, текст Ригведы приводится в оригинале. Тем не менее эти переводы не замышлялись как научная работа, предназначенная для обоснования гипотезы; цель публикации только в том, чтобы представить гимны в устойчивой форме для последователей учения

¹⁴ I.68.3.

¹⁵ I.164.46.

¹⁶ X.129.2.

¹⁷ III.39.5; а также IV.54.4 и VIII.45.27.

и для тех, кто склонен видеть в Ведах нечто большее, нежели обычную литургию, и желал бы узнать, в чем заключается эзотерический смысл этого древнего Писания.

Это перевод литературный, а не строго буквальный. Однако в нем сохранены верность смыслу, значения слов и структура мысли – собственно, методика заключалась в том, чтобы начинать с дословного и скрупулезно точного перевода и потом придерживаться его как основы интерпретации, ибо только таким образом можно выявить подлинные мысли этих древних мистиков. Вместе с тем, всякий перевод поэзии столь великой, как гимны Ригведы – блистательные по колориту и образности, благородные и прекрасные по ритмике, совершенные по стилю, – если мы не хотим превратить их в сухую схоластику, должен быть хотя бы отдаленным эхом поэтической мощи оригинала; большего и невозможно добиться при прозаическом переводе на язык, так сильно отличающийся от санскрита. Построение фразы и синтаксис английского языка и санскрита полярно противоположны; для того чтобы передать стилистические особенности и естественность речи, все время приходится обращать сжатый язык Веды в менее энергичные и более расплывчатые формы английского языка. Другой камень преткновения для переводчика – это постоянная игра двойных значений слов, которая делает одно и то же слово и символом, и тем, что он символизирует, – Луч и Корова, ясный свет ума и очищенное топленое масло, лошади и духовная энергия; приходится выдумывать выражения типа «стада света» или «сияющие стада» или прибегать к другим уловкам, скажем, писать слово Конь с заглавной буквой, чтобы читатель понял, что имеется в виду конь символический, а не физическое животное; однако сплошь и рядом приходится отказываться от символа или же, сохраняя символ, предоставлять читателю догадываться о внутреннем смысле¹⁸. Я не всякий раз пользовался одним и тем же выражением, хотя всегда сохранял верность смыслу, варьируя переводы в зависимости от требований контекста. Часто я оказывался не в состоянии подобрать адекватное английское слово, которое передавало бы все оттенки смысла и нюансы оригинального текста; я употреблял два слова там, где в оригинале было одно, или использовал другие приемы, чтобы полностью и точно передать смысл. Помимо всего этого, нередко приходилось сталкиваться с архаичными словами или оборотами речи, значения которых на самом деле неизвестны и о них можно только догадываться; кроме того, они вполне могут допускать разный перевод. Во многих случаях мне приходилось довольствоваться условными толкованиями; предполагалось, что окончательное решение будет принято, когда будет переведена и подготовлена к печати достаточно большая часть гимнов, однако это время еще не наступило.

¹⁸ Подчас риши как будто сочетали два разных значения в одном слове. В этих местах я пытался передать этот двойной смысл.

Учение мистиков

Веда заключает в себе высокую духовную сущность Упанишад, но не владеет их языком; это – вдохновенное знание, которое еще не располагает в достаточной мере средствами, позволяющими выразить его с помощью интеллектуальных и философских терминов. В Веде мы встречаемся с языком озаренных поэтов, для которых весь описываемый опыт реален, жизнен, осязаем, даже конкретен, – это еще не язык мыслителей и систематизаторов, для которых реальности ума и духа уже превратились в абстракции. В Веде есть и система, и доктрина, но структура ее учения гибка, термины конкретны, характер ее мысли практический и проверяется опытом, но опытом, уже испытанным и проверенным временем, а не тем, что находится в стадии становления и потому незрел и неопределен. Здесь мы имеем дело с древней психологической наукой и искусством духовной жизни, философским развитием и переосмыслением которой являются Упанишады, а Веданта, Санкхья и Йога – позднейшим интеллектуальным завершением и логической догмой. Но, как вся жизнь, как вся наука, которая остается еще живой, Веда свободна от жестких структур рассудочного ума, их закостенелой строгости; несмотря на наличие фиксированных символов и сакральных формул, она все еще остается объемлющей, свободной, податливой, текучей, гибкой и утонченной. В ней есть движение жизни и глубокое дыхание души. И если более поздние философии представляют собой книги Знания и провозглашают освобождение наивысшим благом, Веда есть Книга Действий, и ее идеал, во имя которого она отвергает наши нынешние оковы и ограниченность, – это совершенство, обретение себя, бессмертие.

Учение мистиков признает, что за всем сущим и над ним есть нечто Непознаваемое, Вневременное и Лишенное имени, которое не может быть постигнуто усердной работой ума. Безличностное, это есть То, Единосущее; в ответ на усилия нашей личности познать его оно раскрывает себя из тайны бытия, представая как Бог или Дэва, – безымянное, хотя и имеет множество имен, неизмеримое и неопишное, хотя оно и содержит в себе все описания, даваемые именем и знанием, и все меры формы и содержания, силы и действия.

Дэва или Божество есть одновременно и первопричина, и конечный результат. Божественный Сущий, строитель миров, господин и прародитель всех вещей, Мужское и Женское начала, Бытие и Сознание, Отец и Матерь Миров и их обитателей, он также есть их и наш Сын – ибо он есть Божественное Дитя, рожденное в Мирах и проявляющее себя через рост творения. Он – Рудра и Вишну, Праджапати и Хираньягарбха, Сурья, Агни, Индра, Ваю, Сома, Брихаспати, – Варуна и Митра, и Бхага, и Арьяман, все боги. Он мудрый, могущественный и несущий освобождение Сын, рожденный нашими трудами и нашей жертвой, Герой нашей битвы и Провидец нашего знания, Белый Конь впереди наших дней, что мчится к высшему Океану.

Душа человека взмывает как Птица, Хамса, минуя сияющие тверди физического и ментального сознания, взбирается, как путник и воин, восходящим путем Истины, выходя за пределы земли тела и небес ума, чтобы найти это Божество, ожидающее нас, нисходящее к нам из тайны высочайшего величия, где оно восседает в тройном божественном Первоначале и источнике Блаженства. Воистину, Дэва, притягательный ли и возвышенный там, или помогающий нам здесь в лице великих Богов, он неизменный Друг и Тот, кто возлюбил человека, Пастырь и Господин Стад, который дает нам сладкое молоко и очищенное топленое масло от вымени сияющей Коровы бесконечности. Он есть источник и податель амброзии, Вина божественной благодати, которое мы пьем, черпая из семичастных вод существования или выжимая из светозарного растения на горе бытия, – и, вознесенные его экстазом, мы становимся бессмертными.

Таковы некоторые из образов этого древнего мистического поклонения.

Божественное выстроило эту вселенную в виде сложной системы миров, которую мы обнаруживаем как внутри себя, так и вовне, субъективно осознанную и объективно воспринимаемую. Это восходящий ряд земных и небесных миров; это поток различных вод; это Свет о семи лучах, или о восьми, девяти или десяти; это Гора со множеством уступов или террас. Провидцы часто представляют эту систему в виде серии триад: существуют три земли и три неба. Кроме того, существует тройственный мир внизу: Небо, Земля и промежуточный мир между ними; тройственный мир посередине – сияющие небеса Солнца; тройственный мир вверху – высочайшие и экстатические обители Божественного.

Но вмешиваются и другие принципы, делающие этот миропорядок еще более сложным. Это психологические принципы; ибо, поскольку все творение образовано видоизменениями Духа, то любая внешняя система миров должна на каждом из своих уровней находиться в материальном соответствии с некоей энергией или с восходящим уровнем сознания, объективным выражением (символом) которого она и является, и должна содержать в себе родственный внутренний порядок вещей. Чтобы понять Веду, мы должны постичь этот ведический параллелизм и различать космические градации, к которым он ведет. Мы вновь открываем ту же систему позади более поздней пуранической символики и, благодаря Пуранам, можем построить простую и наглядную таблицу соответствий. Ибо семь пуранических миров с достаточной точностью согласуются с семью принципами, или первоначалами, существования, что можно представить следующим образом:

Принципы – миры

1. Чистое Бытие – *Сат* — Мир высочайшей истины бытия (*Сатъялока*)
2. Чистое Сознание – *Чит* — Мир бесконечной Воли или сознательной силы (*Таполока*)
3. Чистое Блаженство – *Ананда* — Мир созидательной радости существования (*Джсана-лока*)
4. Знание или Истина – *Виджняна* — Мир Простора (*Махарлока*)
5. Разум – Мир света (*Свар*)
6. Жизнь (чувственное бытие) – Мир разнообразного становления (*Бхувар*)
7. Материя – Материальный мир (*Бхур*)

Эта система, которая достаточно проста в Пуранах, в Веде выглядит намного сложнее. В Веде три наивысших мира представлены вместе как тройственное божественное Первоначало, поскольку они всегда составляют единую Триаду; бесконечность – их сфера, блаженство – их основание. Они опираются на широкие пространства Истины, откуда божественный Свет посылает свои лучи к ментальной сфере нашего бытия – в три небесно-лучезарных мира Свар, царство Индры. Ниже располагается тройственная система, в которой живем мы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.